

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

陶静虹

Тао Цзинхун

**ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ
(1971–2019 гг.)**

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2022

Работа выполнена на кафедре востоковедения ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Кузьмин Вадим Александрович

Официальные оппоненты: **Дацышен Владимир Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск), профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций;

Нестеров Александр Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург), заведующий кафедрой зарубежного регионоведения;

Савкович Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск), профессор кафедры востоковедения.

Защита состоится 18 января 2023 г., в 11:00 на заседании диссертационного совета УрФУ 5.5.15.02 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=4226>

Автореферат разослан «___» декабря 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат политических наук, доцент

Наронская Анна Гегамовна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. В настоящее время регионы Дальнего Востока и Ближнего Востока играют ключевую роль в процессах, происходящих на международной арене, которые, как правило, определены внешнеполитическим курсом участвующих в них государств. Среди наиболее активных и влиятельных стран этих регионов можно выделить Китай, ставший второй по величине экономикой в мире, а также укрепляющую свои позиции на Ближнем Востоке Турцию. Эти две страны на протяжении многолетней истории фактически играли роль региональных лидеров, а их современный внешнеполитический курс прямо или косвенно влияет на мировую политику.

После прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) ее правительство стало демонстрировать стремление к проведению более амбициозной внешней политики. В частности, Турция взяла курс на установление стратегических отношений с Китаем при сохранении своего членства в НАТО. Турция и Китай подписали соглашение о «расширенном партнерстве» в 2000 году и соглашение о «стратегическом партнерстве» в 2010 году.

В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), которая стала важной международной стратегией Китая, способствующей общему развитию всех стран и реализации общего процветания евразийского региона. Турция является важными воротами в Европу на древнем Шелковом пути, занимает центральное место в инициативе ОПОП и является одной из стран-партнеров Китая. В 2015 году две страны подписали «Меморандум о взаимной связи инициативы «Один пояс, один путь» и турецкой инициативы «Центральный коридор».

Особо чувствительной сферой в китайско-турецких отношениях является уйгурский вопрос. Уйгуры – тюркоязычный народ, подавляющее большинство их живёт в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) на крайнем западе Китая. Наблюдаются попытки Турции распространить свое влияние в «тюркском мире», в состав которого уйгуры тоже включены.

И Китай, и Турция позиционируют себя как внешнеполитических реформаторов и активных субъектов процесса трансформации системы международных отношений, что, безусловно, затрагивает ключевых акторов современных международных отношений. В связи с этим важно знать и понимать историю китайско-турецких отношений. Без этого невозможно наладить и выстроить эффективное взаимодействие и взаимовыгодное как двустороннее, так и многостороннее сотрудничество.

Степень разработанности темы. Представляется целесообразным выделить следующие основные группы научной литературы по теме диссертации: монографии и научные статьи по истории китайско-турецких отношений в российской, китайской, турецкой историографии, а также публикации по этой теме, вышедшие в других странах.

Российская историография. Значительный вклад в изучение китайско-турецких отношениях внес В. А. Аватков. Одна из глав его монографии

«Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018»¹ посвящена анализу китайско-турецких отношений. По мнению В. А. Аваткова, хотя Китай и Турция очень разные в сферах политического устройства, экономического развития, культуры и религии, в процессе глобализации отношения между двумя странами постепенно улучшались. Камнем преткновения в двусторонних отношениях Турции и Китая является уйгурский вопрос. В статье «Китайско-турецкие отношения в “новую эпоху”» В. А. Аватков подчеркивает, что Китай и Турция, имеющие мало общего в культурной сфере, находятся в конкурентном экономическом положении и недостаточно близки политически, поэтому наличие политической воли в принятии решений может давать временные подъемы во взаимоотношениях, но сохраняющиеся противоречия постепенно будут откатывать их назад².

И. А. Свистунова считает, что политические контакты между Китаем и Турцией стали очень активны, особенно в период правления в Турции ПСР, пришедшей к власти в 2002 г. Регулярный характер приобрели визиты на высшем уровне. Пекин заинтересован в развитии связей с Турцией, географическое положение которой открывает прямой выход на различные регионы. Однако уйгурская проблема продолжает оставаться потенциальным источником напряженности в турецко-китайских отношениях³. Автор также выражает ту же точку зрения в статье «Развитие современных турецко-китайских отношений: перспективы и сложности сотрудничества», однако по мере все более тесного сотрудничества на экономическом и культурном уровнях обе стороны прилагают усилия для снижения влияния этой проблемы на перспективы развития двусторонних связей⁴.

А. О. Виноградов и С. А. Муминова также обращают внимание на развитие китайско-турецких отношений. В их статье «Китайско-турецкие отношения: современный этап»⁵ подробно рассматриваются такие аспекты взаимодействия двух стран, как политические отношения, двусторонняя торговля, инвестиционная политика, включая анализ конкретных сфер приложения китайских инвестиций, военное сотрудничество. Отдельно рассматриваются изменения в официальной позиции Турции по уйгурскому вопросу. По мнению авторов, в ожидании выгод от сотрудничества с КНР в виде капиталовложений и кредитов, турецкое руководство смягчило риторику в отношении указанной проблемы.

Напротив, по мнению И. А. Меренкова увеличение китайских инвестиций в Турцию не следует рассматривать как уступку в уйгурском вопросе, поскольку Турция всегда поддерживала и обещала поддерживать права уйгуров

---

¹ Аватков В. А. Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018. М: Юрайт, 2019. 136 с.

² Аватков В. А., Прилепский П. А. Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 1. С. 186–197.

³ Свистунова И.А. Новая политика Турции в отношении стран восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5. С. 69–84.

⁴ Свистунова И. А. Развитие современных турецко-китайских отношений: перспективы и сложности сотрудничества // Восточная аналитика. 2020. № 4. С. 63–79.

⁵ Виноградов А. О., Муминова С. А. Китайско-турецкие отношения: современный этап. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2021. С. 200–226.

независимо от объема торговли и количества китайских инвестиций в Турцию. Но обе стороны обладают значительными перспективами развития и их взаимодействие ведет к взаимовыгодному сотрудничеству⁶.

Г. Н. Валиахметова и М. А. Герман в статье «Особенности интеграции Турции в китайскую инициативу "Один пояс-один путь"»⁷ рассматривают эволюцию двусторонних отношений КНР и Турецкой Республики в контексте интеграции турецкого проекта «Центральный коридор» в китайскую инициативу ОПОП в 2013–2019 годах. Сотрудничество в формате ОПОП способствует расширению стратегического партнерства Турции и КНР при строгом соблюдении национальных интересов каждой из сторон. Но процесс стыковки интеграционных моделей, предлагаемых Пекином и Анкарой для Евразии, далек от завершения в силу наличия определенных разногласий относительно условий и пределов двустороннего сотрудничества, а также в силу влияния неблагоприятных внешнеполитических факторов.

А. А. Капкаев основное внимание уделяет экономической конкуренции между Китаем и Турцией. Он пишет, что обе стороны нацелены на европейский рынок, но у Турции больше преимуществ, чем у Китая: Турция имеет соглашение о свободной торговле с ЕС, она расположена ближе к европейскому рынку.

Среди тех исследователей, кто изучает влияние уйгурского вопроса на китайско-турецкие отношения, можно выделить таких авторов, как М. В. Казанин, А. В. Бондаренко, А. И. Симонова, А. А. Флегентова, Г. А. Луговой и др. В частности, Г. А. Луговой⁸ и М. В. Казанин⁹ обращают внимание на деятельность Исламского Движения Восточного Туркестан (ИДВТ). В течение нескольких десятков лет Турция укрывает несколько сотен тысяч уйгур, в том числе и активистов ИДВТ, которые борются за права мусульманского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района, применяя террористические методы. Бездейтельность турецких спецслужб в отношении данной организации негативно сказывается на развитии политического диалога между Китаем и Турцией.

Сотрудничество и соперничество между Китаем и Турцией в Центральной Азии, на Кавказе и Ближнем Востоке с точки зрения геополитики также привлекают внимание российских ученых. В частности, на анализе этих вопросов сосредоточил свое внимание М.Ф. Карамреза¹⁰.

В заключение можно отметить, что российские исследователи в основном концентрируют свой научный интерес на изучении современных турецко-

---

⁶ Меренков И. А. Китай и Турция - прямой диалог // Сборник статей кафедры международных отношений, медиаологии, политологии и истории. СПбГЭУ, 2021. С. 58–62.

⁷ Валиахметова Г. Н., Герман М. А. Особенности интеграции Турции в китайскую инициативу «Один пояс-один путь» // Научный диалог. 2022. № 2. С. 322–332.

⁸ Луговой Г. А. Интеграционный потенциал пантюркизма на примере внешней и внутренней политики Турции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2012. № 1. С. 144–151.

⁹ Казанин М. В. Китайско-турецкие отношения и уйгурский вопрос // Институт Ближнего Востока. 2015. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25320> (дата обращения: 24.12.2021)

¹⁰ Карамреза М.Ф. Центральная Азия в орбите столкновения геополитических интересов мировых держав (США, Россия, Великобритания, Китай, Турция и Иран) // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 4. С. 167–170.

китайских отношений, в том числе обращают внимание на растущее влияние Китая и Турции в Центральной Азии. Вместе с тем история китайско-турецких отношений, в частности, период последней трети XX века, по-прежнему, недостаточно освещена в российской историографии.

Китайская историография. Прежде всего необходимо отметить научные труды доцента кафедры истории Пекинского университета Цзань Тао, который опубликовал ряд работ по истории китайско-турецких отношений¹¹. Он считает, что уйгурский вопрос в определенной степени препятствует развитию китайско-турецких отношений¹², но предложение инициативы ОПОП открыло новые возможности для их развития¹³.

Есть целый ряд других китайских ученых, изучающих китайско-турецкие отношения – Сяо Сянь, Се Личэнь, Хуан Вэйминь, Дин Гун, Дун Маньюань, их исследования в основном сосредоточены на все более тесном экономическом и культурном обмене между Китаем и Турцией в XXI веке.

Некоторые исследователи анализируют развитие китайско-турецкого сотрудничества в рамках инициативы ОПОП и Шанхайской организации сотрудничества. К ним относятся Вэй Минь, Цзоу Чжицян, Чжан Бо, они считают, что инициатива ОПОП сыграла положительную роль в развитии китайско-турецких отношений, сотрудничество между двумя сторонами в этих рамках привело к взаимовыгодной ситуации.

Много китайских ученых уделяет внимание анализу влияния уйгурского вопроса на развитие китайско-турецких отношений, среди них Сюй Цзяньин, Ван Янь, Сун Цзяньшэн, Тянь И. Ученые характеризуют уйгурский вопрос как самое большое препятствие для развития китайско-турецких отношений, поскольку поддержка Турцией уйгурских сепаратистов является вмешательством во внутренние дела Китая.

Другие исследователи изучают китайско-турецкие отношения с точки зрения экономического взаимодействия и связанных с ним проблем. К таким исследованиям относятся работы Ма Ино, Фань Исиня, Чжэн Линьлинь.

В целом большинство китайских исследователей, занимающихся изучением китайско-турецких отношений, концентрируют свое внимание на современных проблемах политики, экономики и культуры, а история отношений КНР с Турецкой Республикой, особенно в последней трети XX – начале XXI века, в китайской историографии, как и в российской, изучена недостаточно полно.

---

¹¹ 咎涛. 中土关系及土耳其对中国崛起的看法 // 阿拉伯世界研究 [Цзань Тао. Китайско-турецкие отношения и взгляды Турции на возвышение Китая // Исследования арабского мира] 2010. № 4. Р. 59–66; 咎涛. 六十年来中国的土耳其研究 // 西亚非洲 [Цзань Тао. Шестьдесят лет тюркологии в Китае // Западная Азия и Африка], 2010. № 4. Р. 68–70; 咎涛. 历史与想象: 中国和土耳其之间的思想联系 // 文化纵横 [Цзань Тао. История и воображение: идеологические связи Китая и Турции // Культурный ландшафт], 2018. № 1. Р. 68–79.

¹² 咎涛. 土耳其与“东突”的“不解之缘” // 中国经济 [Цзань Тао. «Неразрывная связь» между Турцией и ИДВТ // Экономика Китая], 2009. № 83. Р. 116–121.

¹³ 咎涛. 历史视野下的“土耳其梦”——兼谈“一带一路”下的中土合作 // 西亚非洲 [Цзань Тао. «Турецкая мечта» в исторической перспективе — также о сотрудничестве Китая и Турции в рамках ОПОП // Западная Азия и Африка], 2016. № 2. Р. 65–90; 咎涛. 土耳其“欧亚主义”与“丝绸之路经济带”——一则思想史的侧记 // 中国图书评论 [Цзань Тао. «Евразийство» в Турции и «Экономический пояс Шелкового пути» — заметка об истории идей // Обзор китайской книги], 2015. № 9. Р. 16–20.

Турецкая историография. Одним из ведущих турецких специалистов по турецко-китайским отношениям в прошлом и настоящем является профессор С. Чолакоглу. В своей монографии «Турция и Китай: политические, экономические и стратегические аспекты взаимоотношений»¹⁴ он подробно рассматривает развитие китайско-турецких отношений с точки зрения политики, экономики и культуры. Кроме того, он написал большое число статей о разных аспектах китайско-турецких отношений¹⁵. Труды С. Чолакоглу нельзя игнорировать при изучении китайско-турецких отношений.

Следует отметить диссертацию М. Сейлемеза «Отношения между Турцией и Китаем в XXI веке: от углубления к стратегическому партнерству»¹⁶. В ней автор анализирует все основные противоречия в китайско-турецких отношениях, которые приобрели особую актуальность. Внесли свой вклад в изучение турецко-китайских отношений такие ученые, как З. Акдаг, Э. Картал, М. Темел, А. Барыш, Г. Фидан, К. Темиз, А. Кумар, М. Огутджу, А. Атлы.

Влияние инициативы ОПОП на развитие китайско-турецких отношений отражено в многих работах турецких исследователей. Некоторые авторы отмечают, что торговый дефицит Турции с Китаем стал проблемой, которую нельзя игнорировать¹⁷, пишут, что участие Турции в инициативе ОПОП грозит ей увеличением внешнеторгового дефицита¹⁸.

Другие считают, что Турция является одной из стран, которые рассматривают проект ОПОП как важную возможность для дальнейшего развития¹⁹. С недавних пор Турция начала активнее смотреть на Восток из-за того, ее прием в члены Европейского Союза так и не состоялся, а отношения с

---

¹⁴ Çolakoğlu S. Turkey and China: Political, Economic, and Strategic Aspects of the Relationship. London: World Scientific Publishing Europe Ltd., 2021. 222 p.

¹⁵ Çolakoğlu S. Şanghay İşbirliği Örgütü'nün Geleceği ve Çin // Uluslararası İlişkiler Dergisi. 2004. № 1. P. 173–197; Çolakoğlu S. Türkiye-Çin İlişkileri: Tek Taraflı Aşk mı? // Ortadoğu Analiz. 2012. № 4. P. 53–66; Çolakoğlu S. Türkiye Çin İlişkilerinde yeni boyut // Dünya Düzeninde Çin ve Türkiye-Çin İlişkileri. 2012. № 4. P. 145–157; Çolakoğlu S. Turkey-China Relations: From «Strategic Cooperation» to «Strategic Partnership»? URL: <https://bit.ly/3w40Y2J> (дата обращения: 06.12.2021); Çolakoğlu S. Türkiye Çin İlişkilerinin Son On Yılı (2000-2010): Fırsatlar Ülkesi Çin'den Türkiye Pazarına Dönüşüm // Türkiye'de Çin'i Düşünmek Ekonomik, Siyasi ve Kültürel İlişkilere Yeni Yaklaşımlar. 2013. P. 248–272; Çolakoğlu S. Dynamics of Sino-Turkish Relations: A Turkish Perspective // East Asia. 2015. № 1. P. 7–23.

¹⁶ Söylemez M. Turkey-China relations in the 21st century: from enhanced to strategic partnership. PhD thesis, Hong Kong Baptist University, HKBU Institutional Repository. 2017. 466 p.

¹⁷ Şimşek M. Değişen dünya koşullarında Çin Halk Cumhuriyeti ve dış ticaret bakımından Türkiye-Çin Arasında yaşanan sorunlar ve çözüm önerileri // Erciyes Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2006. № 26. P.1–24.

¹⁸ Yavuz Y. Çin'in İpek Yolu Projesi ikinci Marshall Yardımı mı? 2017. URL: <https://bit.ly/3nNpTnw> (дата обращения: 06.12.2021); Sklias P., Roukanas S., Pistikou V. China's Economic Diplomacy: A Comparative Approach to Sino-Greek and Sino-Turkish relations // International Journal of Business and Social Science. 2012. № 10. P. 28–297.

¹⁹ Ergünsü U. İpek Yolu'nun Yeniden Canlandırılması ve Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti İşbirliğine Etkileri // Bilim Kurulu. 2017. P. 97–124; Aybar S. Tek kuşak tek yol inisiyatifi bağlamında Türkiye-Çin ilişkileri. 2017. URL: https://tasam.org/Files/Icerik/File/TEK_KU%C5%9EAK_TEK_YOL_%C4%B0NS%C4%B0YAT%C4%B0F%C4%B0_BA%C4%9ELAMINDA_T%C3%9CRK%C4%B0YE_pdf_f0c7c547-5f7e-4287-9df3-4afb00659483.pdf (дата обращения: 06.2.2022); Durdular A. Çin'in "Kuşak-Yol" projesi ve Türkiye-Çin ilişkilerine etkisi // Avrasya Etüdüleri. 2016. № 1. P. 77–97; Yıldırımçakar E. The Belt and Road Initiative and the opportunities and challenges of developing Sino-Turkish relations // Ankara Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi, № 3. P. 69–88; Gökçay Ş. E. Building the New Silk Road in the 21st Century: The Belt and Road Initiative from a Sino-Turkish Perspective // BRIQ. 2018. № 1. P. 43–54.

США ухудшились из-за покупки ракетных комплексов ПВО у России, несмотря на возражения НАТО и США.

Турецкие исследователи отмечают, что Турция стремится улучшить отношения с Китаем, рассматривая это как альтернативный вариант для своего развития. В частности, Э. Гюнай исследует в одной из статей проблемы и перспективы интеграции ОПОП и турецкого проекта «Центрального коридора»²⁰. А. Алтай пишет, что примирение Турции с Китаем не означает ее отдаление от Запада. Турция хочет диверсифицировать свои экономические отношения, а не заменять Запад Китаем²¹.

Неизбежной темой при изучении турецко-китайских отношений для турецких ученых остается история уйгуров с древнейших времен до современности. Некоторые турецкие авторы утверждают, что уйгурский вопрос не является внутренним делом Китая и что Турция не может молчать о нарушениях прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР²².

Однако по мере того, как экономические связи между Китаем и Турцией становились все более тесными, некоторые ученые стали подчеркивать, что в интересах укрепления взаимного доверия Турция должна быть более осторожной в уйгурском вопросе²³. Если Турция сможет «более рационально развивать свой потенциал», Китай станет «важной возможностью» для Турции в сфере туризма, инвестиций, экономики, финансов и многих других аспектов²⁴.

В меньшей степени турецкие исследователи занимались изучением политических, дипломатических и военно-политических отношений Турции с КНР. Тем не менее и по данной проблематике существует ряд серьезных научных работ, в которых проанализированы турецко-китайские отношения в годы холодной войны²⁵, политика КНР на турецком направлении²⁶, рассматриваются вопросы китайско-турецкого военного сотрудничества²⁷.

---

²⁰ Günay E, et al. Tarihi İpek Yolundan Modern İpek Yolu Projesine: Türkiye-Çin ekonomik işbirliği çerçevesinde Orta Koridor ile Kuşak ve Yol Girişimi // Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2019. № 9. P. 157–175.

²¹ Altay A. “Making Sense of Turkey’s Rapprochement with China,” The German Marshall Fund of the United States, URL: <http://www.gmfus.org/publications/making-sense-turkeys-rapprochement-china> (дата обращения: 25.01.2020).

²² Karaca R. K. Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti İlişkilerinde Doğu Türkistan Sorunu // Gazi Akademik Bakış. 2007. № 1. P. 219–259; Çin’le ilişkiler uğruna Uygur Türkleri feda edilmemeli. URL: <https://bit.ly/3bvrCZ7> (дата обращения: 09.12.2021); Günay B. Avrupa’dan Asya’ya Sorunlu Türk Bölgeleri, – İstanbul: IQ Yayıncılık. 2005. P. 110–112.

²³ Furtun F. Turkish-Chinese Relations in the Shadow of Uyghur Problem. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/114567/Turkish-Chinese-Relations-in-the-Shadow-of-the-Uyghur-Problem.pdf> (дата обращения: 09.12.2021).

²⁴ Kadılar R., Leung K. P. Possible turkish-chinese partnership renaissance by 2023 // Turkish policy quarterly. Vol. 12, No. 2. P.125–137.

²⁵ Çağdaş Ü. Perceptions of China in the Turkish Korean War Narratives // Turkish Studies. Vol7. No. 3. 2006. P. 405–420.; Çağdaş Ü. China Reaches Turkey? Radio Peking’s Turkish Language Broadcasts During the Cold War // All Azimuth. V1, No. 2. 2012. P.19-33.; Çağdaş Ü. Heading towards the East? Sino-Turkish relations after the July 15 coup attempt // Turkey’s Pivot to Eurasia. Routledge, 2019. P. 64–78.

²⁶ Ekrem N. H. Çin Halk Cumhuriyeti Dış Politikası (1950-2000). Ankara: ASAM. 2003. 210 p.; Ekrem N. H. Türkiye Çin İlişkisinde Doğu Türkistan // Turkish Center for International Relations & Strategic Analysis Website, 07 January 2005; Pekcan C. Xi jinping dönemi Çin Dış Politikası ve Türkiye ile İlişkileri // Apam Çin çalışmaları. 2021. P. 53–70.

²⁷ Ersoy E. An Analysis of Turkish-Chinese Military Relations. Diss. Bilkent Üniversitesi (Turkey), Master’s Thesis. Ankara: Usak. 2008. 170 c.

Характеризуя турецкую историографию по проблематике турецко-китайских отношений в целом, можно сделать вывод, что исследования турецких ученых в основном сосредоточены на двух темах – на истории уйгуров как связующего звена между турецко-тюркской и китайской цивилизацией и на изучении турецко-китайских экономических связей и месте Турции в китайской инициативе ОПОП.

Историография других стран. Интерес к исследованию турецко-китайских отношений проявляют ученые из многих других стран Европы, Америки, Азии. Круг таких исследователей настолько широк, что он не позволяет провести соответствующий историографический анализ их публикаций по рассматриваемой теме в рамках настоящей диссертации. Поэтому остановимся лишь на некоторых из них. В частности, профессор политологии и азиатских исследований Хайфского университета Ю. Шихор изучает китайско-турецкие отношения, политику Китая на Ближнем Востоке, он пишет о том, как Пекин стремился нейтрализовать влияние Турции на уйгурский вопрос²⁸. Активно занимается изучением политики Китая в странах Ближнего Востока, включая Турцию, израильский ученый Мордехай Хазиза²⁹. Армянский автор А. Хачатрян исследовал процесс трансформации китайско-турецких отношений в контексте «нейтрализации» уйгурского вопроса³⁰.

Американский эксперт по внешней политике Турции Мартен Ленор в статье «Перспективы турецко-китайского двустороннего и многостороннего сотрудничества в области безопасности» утверждает, что опасения по поводу сепаратизма в обеих странах способствуют сотрудничеству в области безопасности между Турцией и Китаем, но турецкая общественность и некоторые политики поддерживают уйгуров, а такие вопросы, как энергетическая конкуренция, привели к напряженности между двумя сторонами. Но в целом, несмотря на эти примеры расхождения национальных интересов, Турция и Китай могут принимать политические решения, которые укрепляют их отношения в сфере безопасности³¹.

К. Карен анализирует отношения Турции с Китаем с точки зрения стратегических интересов и утверждает, что они вряд ли станут настоящими стратегическими партнерами, поскольку между их экономическими и политическими интересами существуют огромные различия³².

---

²⁸ Shichor Y. Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations // Policy Studies 53. The East-West Center. 2009. 72 p; Shichor Y. See No Evil, Hear No Evil, Speak No Evil: Middle Eastern Reactions to Rising China's Uyghur Crackdown // Griffith Asia Quarterly. Vol. 3, № 1. 2015. P. 62–85; Shichor Y. Limping on Two Legs: Uyghur Diaspora Organizations and the Prospects for Eastern Turkestan Independence // Central Asia and the Caucasus .2007. № 6. P.117–124.

²⁹ Chaziza M. Sino-Turkish 'Solid Strategic Partnership' China's Dream or a Reality? // China Report. № 4. 2016. P. 265–283.

³⁰ Хачатрян А. Г. The transformation period of Sino-Turkish Relations and the neutralization of the " Uyghur Issue"(late 20 the early 21st century) // Регион и мир. 2020. №. 4. P. 32-38.

³¹ Martin Lenore G. The Prospects for Turkish – Chinese Bilateral and Multilateral Security Cooperation // Sociology of Islam. 2016. № 2. P. 113–128.

³² Karen K. Turkey and China: Unlikely Strategic Partners // KS: Foreign Military Studies Office. 2013. P. 1–16.

Белорусский ученый И. Абилов в статье «Интеграционные проекты Турции и Китая на Южном Кавказе (2002–2018 гг.)»³³ рассматривает сотрудничество Турции и Китая со странами Южного Кавказа в рамках различных интеграционных проектов в период с 2002 по 2018 гг., а также их влияние на турецко-китайские отношения.

Многие исследователи отмечают, что геополитическая траектория Турции все больше смещается в сторону Евразии, инициатива «Один пояс, один путь» придала новое направление развитию китайско-турецких отношений, однако сохраняющиеся препятствия и подозрения по-прежнему мешают установлению более глубоких отношений между ними³⁴.

В целом следует сказать, что с началом XXI века, интерес российских, китайских, турецких исследователей, ученых из других стран к изучению истории и современного состояния китайско-турецких отношений имеет устойчивую тенденцию роста. Настоящая диссертация может стать еще одним подтверждением этой тенденции.

Целью диссертационного исследования является определение этапов развития китайско-турецких отношений и выявление специфики каждого из них в исторической динамике. Достижение поставленной в исследовании цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить и охарактеризовать основные этапы эволюции китайско-турецких отношений в 1971–2019 гг.;
2. Выявить влияние китайско-турецких экономических связей и торгового дисбаланса на развитие китайско-турецких отношений;
3. Охарактеризовать китайско-турецкое сотрудничество в политической, экономической и культурной областях в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь»;
4. Проанализировать влияние уйгурского вопроса на эволюцию китайско-турецких отношений;
5. Выявить взаимодействие Китая и Турции в контексте перехода от экономической кооперации к сотрудничеству в сфере безопасности и в гуманитарной сфере;

Объект исследования – история китайско-турецких отношений в 1971–2019 гг.

Предметом исследования является эволюция китайско-турецких отношений в политической сфере, в экономической и культурной областях.

Хронологические рамки охватывают период с 1971 по 2019 гг. Нижняя граница обусловлена кардинальным изменением системы международных отношений, в частности, улучшением китайско-американских отношений, что напрямую привело к установлению дипломатических отношений между Китаем и Турцией в 1971 г. Верхняя граница связана с визитом Эрдогана в

---

³³ Абилов И. Интеграционные проекты Турции и Китая на Южном Кавказе (2002–2018 гг.) // В сборнике: Беларусь в современном мире. Материалы XVIII Международной научной конференции, посвященной 98-летию образования Белорусского государственного университета. 2019. С. 12–14.

³⁴ Lavi G., Lindenstrauss G. China and Turkey: Closer Relations Mixed with Suspicion // Strategic Assessment. 2016. № 2. P. 119–127.

Китай в 2019 г., в ходе которого обе стороны пришли к консенсусу, что «китайская мечта» и «турецкая мечта» заключаются в том, чтобы страны заняли достойное место на мировой арене. И Китай, и Турция являются убежденными сторонниками глобализации и многосторонней дипломатии, а это показывает, что обе стороны уделяли больше внимания укреплению сотрудничества на международном уровне.

Географические рамки исследования в основном ограничены территорией Турции и Китая в их современных государственных границах.

Источниковая база исследования представлена в первую очередь официальными документами и заявлениями. К ним следует отнести Конституцию Китайской Народной Республики³⁵, Конституцию Турецкой Республики³⁶, нормативно-правовые акты, определяющие функционирование ключевых органов власти в области внешней политики (Законы о Министерстве иностранных дел в Китае и в Турции³⁷ и др.). Это также межгосударственные и межправительственные соглашения (например, «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Турецкой Республики об установлении и развитии отношений стратегического сотрудничества»³⁸ и др.), информация, размещенная на сайтах государственных органов власти, в частности, Министерства иностранных дел Турции и Министерства иностранных дел Китая (например, документы о «Содействии совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»³⁹), материалы посольства КНР в Турецкой Республике и посольства Турецкой Республики в КНР⁴⁰, а также заявления президента, министров и представителей других государственных структур, в том числе Советов национальной безопасности двух стран.

В диссертации использованы материалы, в которых изложены основные озабоченности правительства КНР по уйгурскому вопросу⁴¹.

---

³⁵ 中华人民共和国宪法 [Конституция Китайской Народной Республики]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-03/22/content_5276319.htm (дата обращения: 04.12.2021).

³⁶ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. URL: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2017.pdf (дата обращения: 04.12.2021).

³⁷ 中华人民共和国外交部主要职责 [Основные обязанности Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zyzz_673087/ (дата обращения: 04.12.2021); Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).

³⁸ 中华人民共和国和土耳其共和国关于建立和发展战略合作关系的联合声明（全文） [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Турецкой Республики об установлении и развитии отношений стратегического сотрудничества], 2010. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676956/1207_676968/ (дата обращения: 04.12.2021).

³⁹ 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动 [Продвижение видения и действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века], 2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/gijjs_674249/gjzzyhygk_674253/ydyflh_692140/zywj_692152/ (дата обращения: 23.12.2021).

⁴⁰ 中华人民共和国驻土耳其共和国大使馆 [Посольство Китайской Народной Республики в Турецкой Республике]. URL: <http://www.chinaembassy.org.tr> (дата обращения: 23.12.2021).

⁴¹ 新疆的职业技能教育培训工作白皮书 [Белая книга: профессиональное образование и обучение в Синьцзяне]. URL: <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/39912/41373/41375/Document/1662035/1662035.htm> (дата обращения: 13.12.2021); White Paper: The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in

Важными источниками являются периодические издания, в том числе материалы китайских и турецких средств массовой информации⁴². В них отражено взаимодействие правительств Китая и Турции в политической, экономической и культурной сферах. Изучение данных материалов помогает воссоздать объективную картину эволюции китайско-турецких отношений в рассмотренный период.

Большое значение имеют статистические материалы, которые позволяют провести исследование экономических связей и культурного взаимопонимания между Китаем и Турцией. Для анализа экономических и торговых отношений с Турцией в 1971–2019 гг. были использованы статистические материалы, подготовленные Министерством торговли Китайской Народной Республики, Министерством торговли Турецкой Республики, данные статистики ООН по международной торговле⁴³. Для анализа уровня взаимопонимания между народами Китая и Турции были использованы результаты опросов, проведенных китайской ежедневной газетой «Глобал Таймс» и американским исследовательским Центром Пью⁴⁴.

В целом можно заключить, что широкий круг привлеченных источников является достаточно репрезентативным, позволяющим решить поставленные в диссертации задачи.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологической основой диссертации являются принципы историзма, в соответствии с которым исследование событий и явлений идёт в контексте конкретной исторической эпохи их обусловившей, и научной объективности, ориентирующей на использование разностороннего историографического материала и источников, позволяющих реконструировать прошлое в многообразии его проявлений. В процессе работы автор использовал многофакторный подход, который предполагает учет самых разных явлений и тенденций в политике Турции и КНР. Взаимоотношения двух стран являются сложным, комплексным, противоречивым процессом, протекающим под влиянием большого числа внешних и внутренних факторов. Изложение материала диссертации организовано в соответствии с проблемно-хронологическим подходом.

Xinjiang.URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1649933/1649933.htm> (дата обращения: 07.11.2021).

⁴² 新华社 [Синьхуа]. URL: <http://www.xinhuanet.com/> (дата обращения:13.03.2021). 人民日报 [Жэньминь жибао]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2021-12/23/nbs.D110000renmrb_01.htm; Zaman Gazetesi. URL: <http://www.zaman.com.tr/> (дата обращения: 13.10.2021); Milliyet Gazetesi. URL: <http://www.milliyet.com.tr/>(дата обращения: 25.10.2021); Hurriyet Gazetesi. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/>(дата обращения: 13. 10.2021); Cumhuriyet Gazetesi. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/>(дата обращения: 23.03.2021).

⁴³ 中华人民共和国商务部 [Министерство торговли Китайской Народной Республики]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/fuwzn/index.shtml>; UN comtrade database. URL: <https://comtrade.un.org>; Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı. URL: <http://www.dtm.gov.tr> (дата обращения: 25. 05. 2020).

⁴⁴ 超六成网民对土耳其持负面印象 认为土为东突提供实质支持 [Более 60% пользователей сети отрицательно относятся к Турции, считая, что Турция оказывала существенную поддержку ИДВТ.] URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJN8Fg>; (дата обращения: 23.01.2021); Attitudes toward China. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2013/07/18/chapter-3-attitudes-toward-china/> (дата обращения: 22.02.2021).

Применение системного подхода и структурно-функционального анализа способствовали более углубленному изучению роли уйгурского вопроса в эволюции китайско-турецких отношений. При таком подходе объект исследования представлен как целостный феномен, и в то же время имеется возможность выявить особенности, динамику развития и взаимодействия структурных составляющих. Также базовым для работы стал сравнительно-исторический метод, предполагающий сравнение и обобщение однородных исторических явлений.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) В современной российской историографии нет специального комплексного исследования истории развития китайско-турецких отношениях в 1971–2019 гг. В настоящей диссертации акцентируется внимание на основных этапах эволюции китайско-турецких отношений в рассматриваемый период.

2) Выявлено и охарактеризовано развитие взаимодействия Китая и Турции в контексте перехода от экономической кооперации к активному сотрудничеству в сфере безопасности и в гуманитарной сфере.

3) Доказана зависимость влияния уйгурского вопроса на китайско-турецкие отношения. Чем крепче экономические связи между Китаем и Турцией, тем меньше негативного влияния уйгурского вопроса на развитие их отношений.

Теоретическая и практическая значимость работы. Диссертационное исследование позволило получить новые знания об истории китайско-турецких отношений, политическом курсе обеих стран в отношении друг друга. Содержание диссертации, ее основные выводы могут быть использованы в новых исследованиях по истории международных отношений, внешней политики Китая и Турции, подготовке обобщающих трудов, а также в соответствующих университетских курсах по новейшей истории стран Ближнего и Дальнего Востока.

Положения, выносимые на защиту:

1. После установления дипломатических отношений между Китаем и Турцией в 1971 году и до окончания «холодной войны» их отношения находились под влиянием идеологии «холодной войны». Улучшение китайско-американских отношений стало предпосылкой установления дипломатических отношений между Китаем и Турцией. Взаимные визиты на высоком политическом уровне были частыми, обе стороны заявляли об уважении суверенитета друг друга, пытались преодолевать различные проблемы, берущие истоки в новейшей истории, подчеркивали приверженность невмешательству во внутренние дела друг друга. Но экономические и культурные связи между КНР и Турцией оставались очень слабыми.

2. Китайско-турецкие отношения после окончания «холодной войны» были обусловлены уйгурским вопросом и отсутствием тесных торгово-экономических отношений. Поддержка турецким правительством сепаратистов Синьцзяна сильно ухудшила китайско-турецкие отношения. В последние годы XX в. КНР и Турция возобновили сотрудничество на высоком уровне, однако

это сопровождалось нарастанием определенных негативных тенденций, которые во все возрастающей мере влияли на атмосферу двусторонних связей.

3. В 2002–2019 гг. возобновились обмены визитами на высоком уровне. Реакция турецкого правительства на массовые беспорядки в Урумчи, которые начались 5 июля 2009 г., довела отношения с Китаем до критической точки. Но вскоре стороны обменялись визитами на высоком уровне и в 2010 году заявили об установлении отношений «стратегического партнерства». Влияние уйгурского вопроса на китайско-турецкие отношения стало ослабевать, и дело не в том, что сам вопрос стал менее значимым, а в том, что возросла мотивация и желание двух сторон общаться, исходя из реалий друг друга.

4. С началом XXI века основным приоритетом Китая и Турции становятся отношения экономического сотрудничества. Особое внимание стало уделяться взаимодействию в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Турция и Китай, как страны с высокой экономической активностью, дополняли потребности и преимущества друг друга. Взаимодействие и сотрудничество между ними в таких областях, как развитие контактов по политическим вопросам, дорожное сообщение, торговля, денежное обращение, связи между людьми привели Китай и Турцию к определенным успехам в достижении устойчивого и стабильного развития двусторонних отношений.

Степень достоверности исследования. Достоверность результатов диссертации обеспечена за счёт использования объемной и разнообразной источниковой базы, позволяющей системно верифицировать известные и новые факты, объективно интерпретировать события и процессы, сделать выводы на основе сопоставления источников, относящихся к разным видам, и имеющих различное происхождение. Автор освоил имеющееся историографическое наследие, учел современное состояние дискуссионных проблем и использовал разнообразные источниковые ресурсы и методологические подходы для их решения. В диссертации соблюдены ключевые принципы научной работы и использования современных методов исследования, основанных на комплексном подходе к рассмотрению изучаемой проблематики.

Апробация результатов исследования. Результаты работы представлены автором в 15 научных публикациях, 3 из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК РФ, в том числе 1 в издании, входящем в международную систему цитирования Web of Science. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на 17 международных, общероссийских и региональных конференциях и научных семинарах в Екатеринбурге (сентябрь 2020, декабрь 2020, март 2021, июнь 2021); Москве (ноябрь 2020, декабрь 2020, апрель 2021, ноябрь 2021); Казани (2021); Томске (2021); Пекине (2021, 2022); Шанхае (2022); Гуанчжоу (2021); Кирении (2021); Анталье (апрель 2021, октябрь 2021).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, подразделяющихся на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, определены его объект, предмет, цель, задачи, хронологические рамки, теоретико-методологическая основа, представлена характеристика источниковой базы и степень изученности темы в российской и зарубежной науке. Обозначена научная новизна, практическая значимость работы, представлены сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе «Китайско-турецкие отношения в 1971–2002 гг.» проанализировано развитие двусторонних отношений в указанный период в сферах политики, экономики и культуры.

В первом параграфе «Краткий обзор китайско-турецких связей до установления дипломатических отношений между КНР и Турцией» рассматривается состояние китайско-турецких отношений до 1971 г.

В течение долгого времени Китай и Турция не имели официальных дипломатических отношений. Турецкая Республика установила дипломатические отношения с Китайской Республикой в 1934 году. Несмотря на то, что в 1949 г. была создана Китайская Народная Республика, Турция отказалась признать ее в качестве единственного законного правительства Китая и не устанавливала с ней дипломатических отношений до 1971 года. Вплоть до этого времени отношение Турции к КНР и отношение КНР к Турции полностью определялось ситуацией противостояния социалистического и капиталистического лагерей “холодной войны”, поэтому никаких двусторонних отношений между ними в этот период фактически не существовало.

Второй параграф «Китайско-турецкие отношения в политической сфере» дает характеристику китайско-турецкого политического сотрудничества, являющегося одним из стержневых направлений двусторонних отношений. Выявлено, что с 1971 по 1991 год китайско-турецкие отношения развивались в основном в форме взаимных визитов на высоком уровне, но в конкретных областях сотрудничества не было достигнуто серьезного прогресса, поэтому дипломатические отношения не имели прочной основы. В 1971–1978 гг. эти отношения не отличались интенсивностью, в эти годы обе стороны накапливали знания друг о друге, постепенно повышая степень готовности к взаимодействию. Заметного подъема отношений Пекин и Анкара достигли в 1978–1991 гг. Прогресс в отношениях стал возможен в результате интенсивного обмена визитами на высшем уровне. В марте 1984 года президент Китая Ли Сяньнянь посетил Турцию, что стало первым визитом главы китайского государства в эту страну. В июне 1985 года премьер-министр Турции Тургут Озал посетил с ответным визитом Китай. Обе стороны заявили об уважении суверенитета друг друга и подчеркивали принцип невмешательства во внутренние дела друг друга.

Отмечено, что в 1991–2001 гг., негативное влияние на отношения между двумя странами стал оказывать уйгурский вопрос. В 1991–1994 гг. взаимные визиты на высоком уровне фактически прекратились из-за поддержки Турцией Исламского движения Восточного Туркестана. Перемены во внешней политике

Турции были вызваны окончанием холодной войны и крахом биполярной системы международных отношений. В частности, резкому упадку китайско-турецких отношений после 1991 г. способствовало нарастание кризисных тенденций в уйгурском вопросе на фоне последствий распада СССР. В Турции получили популярность взгляды, согласно которым КНР должна была в скором времени подвергнуться распаду, подобно СССР, что должно было дать возможность образования независимого государства уйгуров. Кроме того, в начале 1990-х гг. экономические связи между Китаем и Турцией еще не являлись тесными, а общий объем торговли был невелик.

Автор отмечает, что в 1995–2001 гг. КНР и Турция возобновили контакты на высоком уровне, однако некоторые негативные аспекты в их отношениях сохранились. Визит Демиреля в Китай в 1995 году прервал застой в развитии китайско-турецких отношений. Однако только после того, как пять лет спустя стороны подписали соглашение о сотрудничестве в борьбе с транснациональной преступностью, визит Цзян Цзэминя в Турцию в 2000 г. означал возобновление китайско-турецких отношений. Признание со стороны Турции целостности и единства суверенной территории Китая стало важнейшей предпосылкой для развития китайско-турецких отношений.

В третьем параграфе «Экономическое сотрудничество» анализируется экономическое взаимодействие между Китаем и Турцией в период 1971–2001 гг. В 1970-е годы Китай и Турция находились в состоянии относительно медленного экономического развития, а после 1976 г. из-за внутренней ситуации в Китае торговля между двумя сторонами находилась в состоянии спада. Однако 1980-е годы стали важным этапом развития китайско-турецкой торговли. С проведением экономических реформ в Китае и Турции торговые связи между двумя странами стали более тесными. В 1980-е годы были подписаны важные двусторонние соглашения между Китаем и Турцией, касающиеся экономики и торговли. Хотя товарооборот между Китаем и Турцией в этот период невелик, темпы его роста были значительны, общий объем торговли между Китаем и Турцией увеличился более, чем в десять раз.

С 1990 по 2001 год товарооборот между Китаем и Турцией значительно увеличился по сравнению с предыдущим периодом. Однако после 1995 г. также начал быстро расти торговый дисбаланс между Китаем и Турцией. Причина постепенного увеличения торгового дисбаланса заключалась в том, что Китай и Турция имели схожие промышленные структуры. Швейная, электротехническая промышленность, некоторые другие отрасли были очень важны как для внешней торговли Китая, так и для Турции. Конкурентоспособность товаров двух стран оказалась выше, чем взаимодополняемость. Кроме того, и Китай, и Турция считали Европейский Союз своим целевым рынком. В 1996 г. Турция и ЕС создали таможенный союз. Некоторые турецкие торговые компании импортировали товары из Китая, а затем использовали преимущества таможенного союза между Турцией и ЕС, чтобы перепродавать китайские товары на европейском рынке.

В четвертом параграфе «Гуманитарные и культурные аспекты китайско-турецкого взаимодействия» исследованы различные аспекты культурных

обменов между Китаем и Турцией. Культурная дипломатия обеих стран в рассмотренный период явно имела типичные черты внешней пропаганды. В это время культурный обмен между двумя странами был не столько «гражданским», сколько «национальным». Основными формами проведения культурной дипломатии с обеих сторон были спортивные соревнования, визиты представителей сферы национальной культуры и искусства, выступления художественных коллективов, организация поездок в Китай и Турцию различных детских делегаций. Цель такой деятельности заключалась в том, чтобы показать суть своей национальной культуры другой стороне.

Во второй главе «Развитие китайско-турецких отношений в 2002–2019 гг.» рассмотрено развитие китайско-турецких отношений в указанный период в сферах политики, экономики, культуры и безопасности.

В первом параграфе «Китайско-турецкие отношения в сферах политики и безопасности» рассматривается развитие двусторонних политических связей после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития во главе с Эрдоганом. В этот период возобновились обмены визитами на высоком уровне, причем по сравнению с ситуацией времен “холодной войны” значимость политических контактов возросла, встречи политических руководителей, повестка которых была посвящена сугубо двусторонней проблематике, выдвинулись на ведущее место в диалоге КНР и Турецкой Республики. При этом Пекин испытал в ходе развития отношений с Анкарой бесспорно мощное влияние уйгурского вопроса. В частности, получение гарантий невмешательства во внутренние дела друг друга и принятие совместных обязательств по борьбе с терроризмом стало тематикой, которую приходилось обсуждать практически на каждой встрече. Прежний опыт налаживания двусторонних связей показывал, что опасения руководства Китая по этому поводу имеют под собой основания. Тем не менее экономические интересы обеих сторон постепенно приобрели доминирующее значение, и в 2010 г. было заявлено о выходе двусторонних отношений на уровень «стратегического партнерства». Визит Эрдогана в Китай в 2012 г. и состоявшиеся переговоры продемонстрировали готовность сторон к сотрудничеству даже в таком чувствительном регионе как Синьцзян.

В период 2013–2019 гг. Пекин и Анкара продолжали расширять масштабы сотрудничества на международной арене. В частности, стороны, разрабатывая свои геополитические концепции, стремились отводить в них определённое место друг для друга. Влияние уйгурского вопроса на китайско-турецкие отношения ослабело, и дело не в том, что сам вопрос был решен, а в том, что возросла мотивация и желание сторон взаимодействовать, исходя из реалий друг друга, особенно активизировалось двустороннее экономическое сотрудничество.

Начиная с 2002 г. частыми стали взаимные визиты высокопоставленных представителей вооруженных сил Китая и Турции. Развитие военно-политических контактов и заключение соглашений о закупке вооружений постепенно стали одним из важных аспектов «стратегического партнерства» между Китаем и Турцией.

Турция стала также проявлять заинтересованность в сотрудничестве с Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Китай приветствовал эту тенденцию к многополярности в турецкой внешней политике, «смотрящей на Восток». В 2013 г. Турция получила в ШОС статус «партнера по диалогу».

Во втором параграфе «Экономическое сотрудничество и китайская инициатива “Один пояс, один путь”» исследованы экономические связи между Китаем и Турцией в 2002–2019 гг. В этот период торгово-экономические отношения в основном развивались стабильно, демонстрировали устойчивый рост. С 2002 по 2013 год общий объем торговли между двумя странами вырос с 1.3 млрд долларов до почти 30 млрд долларов, в том числе объем импорта Турции из Китая увеличился в 23 раз, а объем экспорта Турции в Китай вырос в 13 раз. В 2013–2017 гг. экономическое развитие обеих стран проявляло тенденцию к стабильности, объем двусторонней торговли ежегодно составлял 26–28 млрд долларов. В 2018–2019 гг. из-за валютного кризиса в Турции общий объем турецкого экспорта в Китай сократился, продолжал сохраняться торговый дисбаланс в пользу Китая.

Сотрудничество между Китаем и Турцией в рамках проекта «Один пояс, один путь», особенно после интеграции турецкого проекта «Центральный коридор» в ОПОП в 2015 году, открыло новые возможности для экономического развития обеих сторон. Китай увеличил масштабы инвестиций в Турцию и предоставил Турции широкие возможности для региональной интеграции. В целом участие Турции в проекте ОПОП вывело отношения двух стран на новый уровень.

В третьем параграфе «Культурное сотрудничество» рассматривается взаимодействие Китая и Турции в сфере культуры. Стороны подписали соглашение, провозгласившее 2012 год «Годом Китая» в Турции, а 2013 год – «Годом Турции» в Китае. В рамках реализации этого соглашения в обеих странах был организован широкий круг различных мероприятий, направленных на ознакомление жителей одной страны с национальной культурой другой страны. Произошел значительный рост числа китайских туристов, посетивших Турцию: с 112 тыс. в 2012 г. до 426 тыс. в 2019 г., увеличившись почти в 4 раза. Однако число турецких туристов, посещавших Китай, и в эти годы было относительно невелико.

Проявлением политики «мягкой силы» со стороны Китая стало открытие в турецких университетах 5 Институтов Конфуция. Соответственно в 5 университетах Китая было начато преподавание турецкого языка. В течение 2013–2019 гг. в Китае появилось пять исследовательских центров по изучению Турции, стали укрепляться турецко-китайские научные связи. В эти же годы возросло число турецких студентов, обучающихся в Китае, и число китайских студентов, обучающихся в Турции.

В Заключении обобщены результаты проведенного исследования и сформулированы основные выводы, которые сводятся к следующему:

1) Эволюцию китайско-турецких отношений в 1971–2019 гг. можно разделить на четыре основных этапа.

Первый этап (1971–1991 гг.) характеризуется частыми взаимными визитами на высоком уровне, но связи в экономической и культурной сферах были весьма слабыми. Стороны накапливали знания друг о друге, постепенно повышая степень готовности к взаимодействию.

Второй этап (1991–2002 гг.) характеризуется преодолением негативного влияния уйгурского вопроса на китайско-турецкие отношения. Различие позиций двух сторон по уйгурскому вопросу привело к стагнации китайско-турецких отношений в первой половине 1990-х гг. Визит Демиреля в Китай в 1995 году и визит Цзян Цзэминя в Турцию в 2000 году привели к нормализации отношений между двумя странами. Экономические и культурные связи развивались относительно медленно, тем не менее, общий объем торговли между Китаем и Турцией в 2001 году превысил 1 миллиард долларов.

Третий этап (2002–2010 гг.) характеризуется более тесным сотрудничеством между Китаем и Турцией в области политики, экономики, культуры и безопасности. Китай и Турция укрепили политическое взаимное доверие и экономическое сотрудничество посредством ряда взаимных визитов на высоком уровне. В этот период китайско-турецкие отношения стабильно развивались и в 2010 г. было объявлено об установлении между сторонами отношений «стратегического партнерства».

На четвертом этапе (2010–2019 гг.) китайско-турецкие отношения характеризовались усилением сотрудничества в политической, экономической, культурной сферах и в области безопасности. Китайско-турецкие отношения стали развиваться и укрепляться на основе установления отношений «стратегического партнерства». В соответствии с принципами многосторонней внешней политики, провозглашенной сторонами, Пекин и Анкара стали постепенно расширять масштабы сотрудничества в международных организациях. Дипломатическое взаимодействие между Китаем и Турцией стало все больше проявляться в сфере мировой политики, стороны начали достигать определенного консенсуса по вопросам международного и регионального развития. Китай и Турция твердо поддерживали глобализацию торговли и выступали против деглобализации. Они стали совместно выступать за решение многих острых международных проблем посредством многосторонней дипломатии, часто поддерживали друг друга в ряде многосторонних дипломатических инициатив.

2) После установления дипломатических отношений экономические связи между Китаем и Турцией эволюционировали из состояния слабых в относительно тесные. В период 1971–2001 гг. масштабы торговли между сторонами были ограниченными, но в 2002–2019 гг. объемы товарооборота стали быстро расти. Однако по мере роста общего объема китайско-турецкой торговли стал увеличиваться в пользу Китая торговый дисбаланс. В 2019 году более половины дефицита торгового баланса Турции пришлось на Китай, это привело к серьезным торговым трениям между двумя странами, что стало оказывать негативное влияние на их отношения.

3) В 2013–2019 гг. отношения двух стран оказались тесно связаны с китайской инициативой ОПОП. В 2015 году Турция официально стала одним

из участников Азиатского банка инфраструктуры и инвестиций, в том же году был подписан турецко-китайский Меморандум о взаимопонимании в отношении проекта ОПОП и турецкой инициативы «Центральный коридор», что означало формальное установление сотрудничества между двумя сторонами в экономической и политической сферах в рамках ОПОП. С тех пор взаимодействие и сотрудничество между ними получили дальнейшее развитие в таких областях, как контакты по политическим вопросам, дорожное сообщение и логистика, торговля, денежное обращение.

4) Серьезное влияние на китайско-турецкие отношения оказывал уйгурский вопрос. В 1991 году, на фоне распада Советского Союза, турецкие официальные лица прямо поддержали синьцзянский сепаратизм, что фактически привело к свертыванию китайско-турецких отношений на четыре года. В 2009 году турецкие лидеры подвергли критике подход китайского правительства к уйгурскому вопросу, и отношения между двумя сторонами снова оказались в состоянии глубокого кризиса, но были быстро восстановлены, поскольку с началом XXI века основным приоритетом Китая и Турции становятся отношения экономического сотрудничества.

III. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

а) статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Тао Цзинхун, Кузьмин В. А. Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Цзинхун Тао, В. А. Кузьмин // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 438–451. (0,75 п.л./0,22 п.л.) (WOS)

2. Тао Цзинхун. Historical roots of the Xinjiang problem as an obstacle to the development of Sino-Turkish relations / Цзинхун Тао // История и современное мировоззрение. – 2021. – № 3. – С. 22–27. (0,91 п.л.)

3. Тао Цзинхун. Тюркизм в строительстве турецкой нации и его влияние на китайско-турецкие отношения / Цзинхун Тао // История и современное мировоззрение. – 2022. – № 2. – С. 141–147. (1,07 п.л.)

б) другие публикации по теме исследования:

1. Тао Цзинхун. Анализ развития китайско-турецких отношений с точки зрения Синьцзянской проблемы (1971–2019) / Цзинхун Тао // Международные отношения в XX-XXI вв.: IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны: сборник науч. статей и сообщений. / ред. и сост. О. С. Поршнева (отв. ред.), А. В. Антошин, Ю. М. Галкина. – Екатеринбург: УМЦ УПИ. – 2020. – С. 369–375. (0,37 п.л.)

2. Тао Цзинхун. Установление и развитие отношений КНР с Турцией (1949–2019 гг.) / Цзинхун Тао // Екатеринбург: Уральское востоковедение. – 2021. – Выпуск 11. – С.129–135. (0,57 п.л.)

3. Тао Цзинхун. Специфика формирования турецкой национальной идентичности в период Ататюрка (1923–1938) с точки зрения курдского вопроса / Цзинхун Тао // Трансформация реальности: стратегии и практики. 5-й

молодежный конвент УрФУ. Материалы международной конференции. – Екатеринбург. – С. 271–273. (0,11 п.л.)

4. Тао Цзинхун. Взаимные образы Китая и Турции в 1890-е – 1930-е гг. / Цзинхун Тао // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – 2000 экз. – 2021. https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_3_21897.htm(0,11 п.л.)

5. Тао Цзинхун. Строительство железной дороги и перспективы ее развития в проекте Средний коридор / Цзинхун Тао // Электронный сборник студенческих работ "Евразийские исследования. Студенческая трибуна. – М., 2021. – № 2. – С. 64–68. (0,31 п.л.)

6. Тао Цзинхун. Влияние Исламского движения Восточного Туркестана на развитие китайско-турецких отношений (1971–2019) / Цзинхун Тао // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» [Электронный ресурс] / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. – Электрон. текстовые дан. (1500 Мб.) – М.: МАКС Пресс. – 2020. (0,14 п.л.)

7. Тао Цзинхун. Эволюция внешней политики Турции и ее влияние на китайско-турецкие отношения: от Кемалю до Озала (1923–1993) / Цзинхун Тао // Социум и память: человеческий капитал в территориальном, отраслевом и историческом аспектах. Екатеринбург: УрГПУ. – 2020. – Выпуск. 23. – С. 162–170. (0,54 п.л.)

8. Tao Jinghong. The construction of nation-state in China in the 20th century / Jinghong Tao // История и современное мировоззрение. – 2020. – № 3. – С. 29–34. (0,83 п.л.)

9. Tao Jinghong. The Sino-Russian cooperation within the framework of the Belt and Road Initiative / Jinghong Tao // 6th International Conferences on Economics and Social Sciences hosted by Cyprus Science University. 18 - 19 September 2021. Kyrenia. – 2021. – pp. 119–126. (0,65 п.л.)

10. Tao Jinghong. The characteristics and limitations of the research on Sino-Turkish Relations since the 21st Century / Jinghong Tao // 1st International Eurasian Conferences on Educational and Social Studies hosted by Cyprus Science University. 22 - 24 October 2021. TRNC Journal of Computer and Education Research. – 2021. – pp. 384–393. (0,75 п.л.)

11. Tao Jinghong. Analysis on China-Turkey cooperation within the framework of the "Belt and Road" Initiative from the perspectives of secularization and Eurasianism / Jinghong Tao // 12th Eurasian Conferences on Language and Social Sciences hosted by Ural Federal University, 18-19 June 2021. Ekaterinburg. – 2021. – pp. 478–484. (0,51 п.л.)

12. Tao Jinghong. Economic cooperation within the framework of China's "one belt, one road" initiative and Turkey's "middle corridor" / Jinghong Tao // EJSER 7th international symposium on social science. 10-12 April 2021. Antalya. – 2021. – pp. 593–599. (0,48 п.л.)